

Патрушев Сергей

Измена

Сергей Патрушев

**Измена**

«Автор»

2026

## **Патрушев С.**

Измена / С. Патрушев — «Автор», 2026

В промозглом Париже, где за блеском балов скрывается жестокость капитала, Наталья Воронцова отказывается умирать от разбитого сердца. Преданная капитаном гвардии, она превращает свою боль в холодное оружие. Отказавшись от слёз ради grossбухов, вчерашняя жертва становится хозяйкой империи шелка и стали. Но когда прошлое возвращается в лице поверженного врага, умоляющего о спасении, ей предстоит сделать выбор: насладиться его унижением или обрести истинную свободу, написав собственную судьбу на языке цифр, а не чувств.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Жемчужина на балу        | 5  |
| Глава 2. Офицер и роза            | 11 |
| Глава 3. Разговоры под луной      | 15 |
| Глава 4. Анна с золотыми локонами | 22 |
| Глава 5. Шепотки на рынке         | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# Сергей Патрушев

## Измена

### Глава 1. Жемчужина на балу

Стук колес по брусчатке казался Наталье погребальным звоном. Ровный, неумолимый ритм отсчитывал не мили до дворца герцога Орлеанского, а последние мгновения ее прежней жизни. Черная карета с фамильным гербом Воронцовых — ворон, держащий в клюве жемчужину, — медленно вползала под сияющую арку кованых ворот. За два года траура этот звук стал единственным аккомпанементом ее дней, но сегодня он звучал иначе. Сегодня за ним угадывалась музыка скрипок и приглушенный гул сотен голосов.

Дверцу открыл ливрейный лакей, чья неподвижность напоминала скорее восковую фигуру, чем живого человека. Наталья оперлась о его затянутую в белую перчатку руку, чувствуя сквозь тонкую лайку жесткость кожи. Она ступила на красную коверную дорожку, и первый же порыв ветра из открытых дверей бального зала ударил ей в лицо смесью ароматов: расплавленного воска, дорогих духов, пудры, цветочных гирлянд и горячего металла канделябров.

Воздух свободы оказался густым и тяжелым.

Ее сопровождал отец, граф Алексей Петрович Воронцов. Его походка была твердой, спина прямой, как всегда, но Наталья, знавшая его двадцать лет, видела трещину в этой броне. Он опирался на трость чуть сильнее обычного, а пальцы, сжимавшие янтарный набалдашник, побелели от напряжения. Для него этот выход в свет был не возвращением дочери, а демонстрацией того, что род Воронцовых выстоял после удара, нанесенного смертью жены. Графиня Елена умерла тихо, сгорев от скоротечной чахотки за одну осень, оставив после себя пустоту, которую никто из них так и не научился заполнять.

— Держи спину, Натали, — едва слышно бросил отец, передавая их тяжелые меховые мантии гардеробщику. — Взгляд выше. Ты не просишь у них позволения жить.

Наталья кивнула, хотя слова отца показались ей жестокими. Она никого ни о чем не просила. Последние два года она вообще почти не существовала для этого мира. Ее мир сузился до размеров спальни с вечно зашторенными окнами, до шелеста страниц молитвенника и ощущения холодной эмали медальона с портретом матери на груди. Она носила только черное и серое платья простого кроя, избегала зеркал и привыкла говорить шепотом. А теперь герцог Орлеанский, желая блеснуть перед двором широтой своих связей, включил графа Воронцова в списки приглашенных, и Алексею Петровичу взбрело в голову привезти дочь. «Пора, Наташа, — сказал он неделю назад, глядя куда-то поверх ее головы. — Пыль оседает дольше, если сидеть в закрытой комнате. Свет лечит».

Свет здесь слепил. Сотни свечей в гигантских хрустальных люстрах заливали золотой зал потоками жидкого огня. Стены цвета слоновой кости были увиты живыми розами и плющом, зеркала в золоченых рамах множили это великолепие до бесконечности, создавая иллюзию, что гостей здесь не пятьсот, а несколько тысяч. Дамы в облаках из тафты, атласа и газа переливались всеми цветами радуги — изумрудным, сапфировым, рубиновым. Их обнаженные плечи и руки блестели от масел и бриллиантов. Мужчины в строгих темных фраках двигались среди них, как тени, лишь иногда вспыхивая серебром орденов или эфесов шпаг.

На фоне этого павлиньего царства Наталья почувствовала себя призраком, ошибкой декорации. На ней было платье из плотного лионского бархата глубокого синего цвета. Ни кружев, ни лент, ни турнюра, который вошел в моду в этом сезоне. Простой лиф, длинные рукава, закрывающие запястья, и единственная нитка мелкого речного жемчуга на шее — подарок

покойной матери. Платье стоило целое состояние благодаря ткани, но покроем кричал о строгости, о монастыре, о недавнем горе.

Она поймала свое отражение в одном из зеркал. Бледное, овальное лицо без румянца казалось еще бледнее на фоне синевы бархата. Огромные, широко расставленные глаза цвета мокрого асфальта занимали пол-лица. Темные волосы, обычно уложенные гувернанткой в сложные прически, сейчас были просто зачесаны назад и скручены в тяжелый узел на затылке, открывая длинную, изящную шею. В ней не было той кукольной, сладкой красоты, которой щеголяли придворные дамы. В ней была неправильность, резкость линий, какая-то северная, тревожащая чистота. И эта чистота посреди разряженной толпы выглядела вызовом.

Отец представил ее несколько знакомым. Старый князь Мещерский, чьи веки тяжело нависали над глазами, долго целовал ей руку сухими губами, рассыпаясь в банальных соболезнованиях. Жена австрийского посланника скользнула по ее платью взглядом, полным плохо скрытого пренебрежения. Наталья отвечала им заученными фразами, улыбалась уголками губ, как учила мать, и чувствовала, как внутри нарастает глухая, иррациональная паника. Ей хотелось сорвать эти тесные перчатки, выбежать на морозный воздух, туда, где пахнет снегом, а не приторными духами маркизы де Помпадур.

Спасение пришло оттуда, откуда она его совсем не ждала — со стороны буфетной стойки. Отец извинился, заметив в толпе министра двора, и оставил ее буквально на три минуты, наказав стоять у колонны и не смотреть в пол.

Наталья прислонилась спиной к прохладному мрамору. Колонна скрывала ее от основного потока людей, давая короткую передышку. Она прикрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание, которое вдруг стало частым и поверхностным. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вы выглядите так, словно ищете способ незаметно раствориться в стене, — произнес низкий, глубокий голос прямо у ее уха. — Но даже самая лучшая штукатурка Парижа не примет вас. Слишком много света.

Голос обволакивал. В нем не было развязности, свойственной молодым повесам, но была спокойная уверенность человека, который знает цену каждому своему слову.

Наталья вздрогнула и открыла глаза.

Он стоял так близко, что она ощутила тепло, исходящее от его тела. Высокий, пожалуй, на целую голову выше нее, даже без учета головного убора, которого не было. Военная выправка читалась в том, как свободно, но твердо он стоял, как легко удерживал бокал с шампанским, не пролив ни капли, несмотря на давку вокруг. На нем был мундир королевской гвардии — темно-зеленый, почти черный суконный доломан, расшитый золотом по швам и обшлагам, ментик, небрежно переброшенный через плечо, и узкие лосины, туго обтягивающие мускулистые ноги. Золотые галуны тускло мерцали в свете свечей.

Но форма была лишь рамой. Картиной было его лицо. Резкое, скульптурное, будто высеченное из камня нетерпеливым, но гениальным мастером. Прямой нос, четко очерченные скулы, волевой подбородок с едва заметной ямочкой. Глаза оказались неожиданно светлыми, чайного цвета, с золотистыми искрами, которые меняли оттенок, когда он поворачивал голову. А губы... они изгибались не в дежурной светской полуулыбке, а в живой, понимающей усмешке, затрагивающей лишь правый уголок рта.

— Я действительно предпочитаю стены обществу, сударь, — ответила Наталья, удивившись тому, насколько ровно прозвучал ее собственный голос. — Они более честны. Не лгут комплиментами.

Гвардеец тихо рассмеялся. Смех был таким же глубоким, как и голос, и совершенно беззлобным. Он сделал глоток шампанского, не отрывая от нее взгляда. Этот взгляд не раздевал и не оценивал стоимость ее туалета. Он смотрел *на* нее, впитывая черты лица, линию плеч, то, как нервно она сцепила пальцы в перчатках.

— Честность нынче редкий товар, мадемуазель. Особенно там, где цена входа измеряется количеством каратов в диадеме вашей соседки. Позвольте представиться. Андрей. Просто Андрей.

Это нарушение этикета должно было шокировать. Называть имя без титула, без фамилии, без указания полка незнакомой девушке на великосветском приеме — дерзость на грани оскорбления. Но сказано это было так естественно, что вместо возмущения Наталья почувствовала странное облегчение. Словно кто-то наконец разрешил ей дышать полной грудью.

— Наталья, — коротко ответила она, намеренно опустив фамилию. Если ему можно быть «просто Андреем», то она будет «просто Натальей». — Воронцова.

— Воронцова, — повторил он, пробуя имя на вкус, словно дорогое вино. — Имя вам подходит. Снежное. Северное. Оно звучит как звон льдинок в стакане. Совсем не похоже на здешнюю патоку.

Он снова оглядел ее простое синее платье, задержавшись взглядом на единственной нити жемчуга.

— Герцог выставляет свои севрские вазы и полотна итальянцев, чтобы доказать богатство. А вы пришли с одной жемчужной нитью и украли весь вечер. Знаете, почему?

— Потому что я выгляжу нелепо? — предположила Наталья, готовая спрятаться за привычной самоиронией.

— Потому что настоящая драгоценность не нуждается в тяжелой оправе, — серьезно ответил Андрей. — Все эти женщины похожи на ювелирные лавки. От них рябит в глазах. А вы... вы сами по себе ценность. Как вода. Или небо. То, что нельзя купить.

Наталья почувствовала, как краска вопреки ее воле начинает заливать скулы. Теплая волна поднялась от шеи к лицу. Никто и никогда не говорил с ней так. Мать учила ее скромности, отец требовал достоинства, общество ждало покорности. А этот незнакомец в гвардейском мундире говорил вещи, граничащие с ересью, и смотрел на нее так, будто она действительно была чудом, случайно залетевшим в душный зал.

— Вы очень рискуете, господин гвардеец, — прошептала она, бросив быстрый взгляд в сторону. — Мой отец стоит вон там, рядом с министром. У него тяжелая рука и вспыльчивый нрав. За меньшее вызывали на дуэль.

Андрей проследил за ее взглядом, заметил высокую фигуру отца, обменявшегося рукопожатием с каким-то седовласым господином, и равнодушно пожал плечами. — Ваш батюшка занят укреплением государственных финансов. Ему некогда следить за тем, как спасают утопающих. А мы с вами тонем, Наталья. Разве нет? Посмотрите на них.

Он едва заметно кивнул в центр зала. Там разворачивалось главное событие вечера — начало котильона. Распорядитель бала, одетый в пестрый жилет, громко выкрикивал фигуры танца. Дамы торопливо расправляли юбки, кавалеры щелкали каблуками. Это был сложный, красивый механизм социального взаимодействия. Каждый шаг, каждый поворот, каждая перемена партнеров были регламентированы строже военного устава. Люди превращались в детали огромной музыкальной шкатулки.

— Смотрите, как они счастливы, — продолжил Андрей, и в его чайных глазах мелькнула тень насмешливой грусти. — Они тратят месяцы на обучение этим па. Тратят состояния на портных. И все ради того, чтобы десять минут механически перемещаться по кругу под музыку, которая всем давно надоела. Боятся сбиться с ритма, боятся наступить на подол сопернице, боятся сказать слово громче положенного. Им кажется, что это и есть жизнь. А на самом деле это самый изысканный вид каторги.

— Вы говорите опасные вещи, — заметила Наталья, но сама невольно улыбнулась. Опасность в его словах была пьянящей, как свежий ветер в накуренной комнате.

— Жизнь вообще опасная штука, — он допил шампанское одним долгим глотком и поставил пустой бокал на край ближайшего столика. — Особенно для тех, кто носит зеленый

мундир. Мы первыми идем под картечь. Привычка бояться атрофируется за ненужностью. Так зачем мне начинать бояться сейчас, стоя рядом с самой интересной женщиной в Париже? Котильон скоро начнется. Вас ангажировали?

Вопрос застал Наталью врасплох. Она настолько погрузилась в атмосферу чуждости, что даже не подумала о танцах. — Нет. Да и некому. Меня только полчаса назад впервые выпустили из кареты.

— Тогда позвольте исправить эту историческую несправедливость, — он отставил бокал окончательно и протянул ей открытую ладонь. Кожа на ладони была загрубевшей, мозоли от поводьев и рукояти сабли ощущались даже через ткань перчатки. — Первая фигура моя. Раз уж оркестр решил терзать наши уши Мендельсоном, сделаем это с пользой.

Наталья колебалась лишь секунду. Весь жизненный опыт, вложенный в нее отцом и покойной матерью, кричал о недопустимости такого поступка. Танцевать первый танец с мужчиной, имени которого ты не знаешь полностью, который ведет себя возмутительно смело... Это скандал. Это конец репутации, которая и так висит на волоске после двухлетнего затворничества.

Но потом она посмотрела в его глаза. В них не было похоти расчетливого соблазнителя или снисходительности скучающего аристократа. Там плясали те самые золотые искры — азарт, любопытство и какое-то отчаянное, мальчишеское веселье. Он предлагал ей не разврат, а побег. Побег из клетки собственного траура, из-под тяжелого взгляда отца, из мира синих бархатных платьев, которые должны соответствовать статусу, но не соответствуют душе.

Она вложила свою руку в его. — Только один танец, — предупредила она. — И постарайтесь не наступить мне на ногу. Бархат не прощает ошибок.

— Бархат простит всё, если вести его правильно, — усмехнулся Андрей, мягко, но властно притягивая ее к себе. Его вторая рука уверенно легла на ее талию, затянутую в плотную ткань.

Расстояние между ними сократилось до неприличия. Наталья почувствовала запах его кожи — смесь пороха, выделанной кожи ремней, легкого табака и чего-то неуловимо мужского, дикого, похожего на запах озона перед грозой. Он был горячим. Очень горячим. Рядом с ним ледяной панцирь, в котором Наталья жила последние два года, начал стремительно плавиться.

Раздались первые мощные аккорды оркестра. Контрабасы взяли низкую, вибрирующую ноту, вступили скрипки.

Андрей повел ее в круг. И это оказалось совсем не тем, к чему ее готовили учителя танцев. Он не считал шаги. Он слушал музыку костями. Его движения были текучими, хищными, абсолютно естественными. Там, где другие кавалеры дергали партнерш, заставляя их выполнять резкие повороты, Андрей вел Наталью плавно, используя инерцию ее тела. Он не командовал ею, он приглашал ее тело продолжить его собственное движение.

Они закружились. Сначала медленно, вдоль края залы, мимо колонн и пальм в кадках. Наталья чувствовала, как уходит земля из-под ног, но не испытывала страха. Рука Андрея на ее талии была каменной стеной. Пока она в его руках, она могла упасть только вместе с ним.

— Закройте глаза, — приказал он шепотом, приблизив губы к самому ее уху. Его дыхание обожгло кожу. — Доверьтесь музыке. Забудьте, где мы.

Наталья зажмурилась. Мир исчез. Остался только стук его сердца, отдающийся в ее ребрах, жар его руки на спине и полет. Она перестала чувствовать тяжесть своего платья, боль в стопах от новых туфель, сосущее чувство тревоги в животе. Она стала музыкой. Легкой, стремительной, свободной. Впервые за два года она дышала не наполовину, захлебываясь страхом, а полной грудью, позволяя кислороду обжигать легкие.

Когда она рискнула приоткрыть один глаз, зал превратился в смазанное пятно золота и красок. Зеркала отражали сотни пар, но ей казалось, что существуют только они двое, движущиеся сквозь замершее время.

Танец закончился слишком быстро. Музыка оборвалась на высокой, звенящей ноте.

Андрей резко, но аккуратно остановил ее. По инерции Наталья качнулась вперед и уткнулась лбом в его плечо. Несколько мгновений они стояли так, замерев, пока публика вокруг взрывалась аплодисментами оркестру. Ее сердце билось пойманной птицей. Его грудь ходила ходуном под зеленым сукном.

— Вот видите, — выдохнул он, не спеша отстраняться. — А вы боялись бархата.

Наталья подняла голову. Лицо горело. Губы дрожали то ли от сдерживаемого смеха, то ли от потрясения. Она попыталась сделать шаг назад, восстановить дистанцию, вернуть себе маску благовоспитанной девицы, но ноги отказывались повиноваться.

— Это было... неразумно, — прошептала она, переводя дыхание.

— Самые разумные люди в истории умерли от скуки в собственных постелях, — парировал Андрей. Теперь его взгляд изменился. Золотые искры никуда не делись, но к ним добавилась глубина. Та самая тьма, которая пугает и притягивает одновременно. Искра, о которой пишут в дешевых романах, вспыхнула между ними осязаемым разрядом электричества. — Нам нужно уходить отсюда. Немедленно.

— Уходить? — переспросила она, холодея. — Куда? Мой отец... — Ваш отец найдет вас утром, — жестко отрезал Андрей, но тут же смягчился, увидев испуг в ее глазах. — Не смотрите на меня так, дитя. Я не собираюсь похищать вас ради бесчестья. Бесчестье творится прямо здесь, в этих стенах, под звуки скрипок. Я хочу показать вам крышу. Дворец герцогов Орлеанских славится своими террасами. Оттуда видно Сену. Звезды. Настоящую ночь, а не свечи. Оставаться внизу больше невыносимо. Воздуха нет.

Он был прав. Несмотря на высокие окна, зал казался душным аквариумом. Запахи духов смешались в тошнотворный сладкий туман.

— Сюда идут, — тихо сказал Андрей, слегка поворачивая корпус.

К ним решительно направлялся распорядитель бала, багровый от негодования. Следом, расталкивая толпу, уже пробивался граф Воронцов. Лицо Алексея Петровича цветом напоминало старую медь, а глаза метали молнии. Еще минута, и грянет буря, которая навсегда вышвырнет Андрея из гвардии, а саму Наталью похоронит заживо в загородном имении.

Андрей понял это быстрее всех. Он не стал дожидаться скандала.

— Бегите за мной, — одними губами приказал он.

Прежде чем Наталья успела ответить или воспротивиться, он перехватил ее руку, вернулся на каблуках и увлек ее прочь от центра залы. Они не пошли к парадным дверям, где бдительная стража и десятки глаз. Андрей толкнул неприметную дверь в боковой стене, предназначенную для официантов.

За дверью оказалась винтовая лестница — крутая, узкая, освещенная лишь тусклым светом газового рожка. Каменные ступени были ледяными даже сквозь тонкие подошвы туфель. Где-то внизу капала вода.

— Поднимайте юбки, — скомандовал Андрей, начиная прыжками подниматься вверх. Лестница вела на верхние этажи резиденции. — Иначе переломаете ноги. Три ступеньки, две площадки. Не отставайте.

Наталья послушно подобрала подол синего бархата, обнажив щиколотки в белых чулках, и бросилась следом. Адреналин, густой и горячий, хлынул в кровь, вымывая остатки светской благопристойности. Она бежала по тайной лестнице герцогского дворца вслед за гвардейцем, нарушая все мыслимые законы приличия, логики и дочернего долга.

Где-то далеко позади, на вершине лестницы, послышался гневный окрик отца: — Наталья!

Она обернулась на бегу. Алексей Петрович стоял на первой площадке, придерживаясь рукой за стену. Он увидел ее — растрепанную, с безумным блеском в глазах, вцепившуюся в руку офицера. Увидел и замер. В его взгляде промелькнул ужас пополам с бессильной яростью.

стью. Он понял, что потерял контроль. Не над ситуацией — над дочерью. Девочка, которую он пытался уберечь от мира стенами черного крепя, только что сделала свой собственный выбор. И этот выбор был одет не в траур.

— Быстрее! — поторопил Андрей сверху.

Наталья отвернулась от отца. Слезы, которых она не знала годами, внезапно обожгли глаза, но это были не слезы горя. Это были слезы освобождения. Она сделала последний рывок, выскочила вслед за Андреем на широкую дубовую галерею, увешанную пыльными портретами предков герцога, и услышала, как тяжелая дверь внизу с грохотом захлопывается. Путь назад был отрезан.

Андрей привалился спиной к стене галереи, тяжело дыша. Щеки его покраснелись, золотые эполеты съехали набок. Он посмотрел на Наталью — на ее разрушенную прическу, выбившийся локон, прилипший ко влажной щеке, на высоко вздымавшуюся грудь — и широкая, победная улыбка осветила его суровое лицо.

— Добро пожаловать в настоящую жизнь, жемчужина, — сказал он, беря ее ледяные пальцы в свои горячие ладони. — Держитесь крепче. Дальше будет только интереснее.

Он потянул ее за собой дальше по галерее, к высокому стрельчатому окну, ведущему на балкон. В разбитое стекло зимней ночи, за пределы золоченой клетки, навстречу неизвестности, ветру и звездам, которые обещали либо гибель, либо подлинное бессмертие.

## Глава 2. Офицер и роза

Ночь пахла мокрым камнем, дымом из печных труб и свободой.

Они остановились только на самом верху винтовой лестницы, перед массивной дубовой дверью, обитой железными полосами. Андрей — теперь Наталья знала его имя, хотя оно казалось слишком простым для человека, спустившегося к ней словно со страниц рыцарского романа, — прижал палец к губам. Снизу, из недр герцогского дворца, не доносилось ни звука. Погоня либо сбилась со следа, либо граф Воронцов решил не устраивать публичный скандал, выволакивая дочь за руку через кухню.

Андрей толкнул дверь. Она поддалась с тяжелым вздохом, впуская их на плоскую крышу.

Здесь гулял ледяной ноябрьский ветер. Он тут же вцепился в выбившиеся из прически локоны Натальи, швырнул в лицо горсть колючих снежинок, попытался задрать тяжелый бархат юбки. Но холод обжег ее легкие как глоток чистого спирта — отрезвляюще и жизнеутверждающе. После духоты бального зала, где воздух был пропитан испарениями сотен тел и фальшивых улыбок, этот мороз казался поцелуем истины.

Париж лежал у их ног. Город не спал. Он дышал, переливался рыжим светом газовых фонарей, шипел паром из сточных люков. Где-то далеко внизу ползли крошечные экипажи, похожие на черных жуков, а над Сеной висела легкая дымка тумана, подсвеченная луной. Луны самой не было видно — ее скрыли низкие облака, но ее призрачный свет обесцвечивал крыши, превращая город в гравюру.

— Тише, — прошептал Андрей, увлекая ее от края парапета ближе к каминной трубе, где образовалась небольшая воздушная яма и ветра почти не было. — Герцог очень дорожит своими черепицами. Если мы поскользнемся, наше падение будет выглядеть крайне неромантически в утренних газетах.

Его голос звучал иначе, чем в зале. Там он играл роль дерзкого повесы, здесь же стал низким, вибрирующим, лишенным всякой театральности. Он снял перчатку и коснулся щеки Натальи. Пальцы были горячими, почти обжигающими после уличного холода. — Вы дрожите, — констатировал он. — И это не от страха.

Наталья действительно тонула. Земля ушла из-под ног еще там, на танцполе, когда он закрыл ей глаза ладонью. Сейчас она находилась в состоянии блаженного головокружения. Два года траура научили ее существовать без красок, приглушив звуки мира до шепота. А этот человек одним движением руки вернул ей стереоскопическое зрение. Кровь шумела в ушах так громко, что она едва слышала свист ветра.

— Я никогда... — начала она, но осеклась. Признаваться в том, что она никогда не была ночью на крыше незнакомого мужчины, казалось излишним. Это читалось в каждом ее движении, в том, как испуганно-доверчиво она смотрит на него снизу вверх.

— Знаю, — мягко перебил Андрей. — По вам видно всё. Как по чистому стеклу. Именно поэтому они все смотрели сквозь вас сегодня вечером. Они искали изъян, трещину, дешевую позолоту. А нашли алмаз. Который режет взгляд.

Он полез во внутренний карман своего доломана. Движения его были нарочито медленными, чтобы не вспугнуть ее. На свет появился небольшой предмет, завернутый в белый шелковый платок.

Ветер снова налетел порывом, пытаясь вырвать ткань из рук офицера. Андрей развернул платок.

На черном сукне подкладки лежала роза. Огромная, темно-алая, почти цвета венозной крови. Ее бархатистые лепестки были покрыты мельчайшими искрами инея. Казалось, цветок живой — настолько совершенным был изгиб стебля, острыми — шипы, темным — сердцевина.

В мертвенном свете зимнего неба роза выглядела вызывающе, невозможно живой. Настоящий биологический пульс посреди камня и льда.

— Для вас, — сказал Андрей просто, протягивая цветок.

Наталья замерла. Руки в тонких перчатках сами потянулись навстречу, но остановились на полпути. — Откуда?... Зимой? В Париже нет таких цветов. Их привозят из оранжерей Прованса, запечатые в стеклянных ящиках, пересыпанными опилками. Эта... она выглядит так, будто выросла прямо из этой черепицы.

— У хорошего гвардейца должны быть свои маленькие тайны, — усмехнулся он уголком рта. — Скажем так, один старый садовник герцога Орлеанского оказался мне должен услугу. Пришлось разбудить его среди ночи. Зато теперь моя совесть чиста: я пришел на бал с пустыми руками, а ухожу с сокровищем.

Он вложил стебель розы прямо в пальцы Натальи. Холод металла перстня на его руке соприкоснулся с ее кожей.

Цветок источал густой, пьянящий аромат. Не тот химический, приторный запах французских парфюмов, которым залиты будуары знатных дам, а дикий, первобытный аромат земли, солнца и плоти. Наталья прижала розу к лицу, закрывая глаза. Шип больно царапнул нос, но она этого даже не заметила. Колени ослабели окончательно.

Это было безумие. Полное, абсолютное, преступное сумасшествие. Стоять на крыше чужого дворца в первом часу ночи с мужчиной в военном мундире, принимая от него цветы стоимостью в годовое жалование камеристки. Любой кодекс чести, любая глава из «Наставления благородной девице», которые она зубрила в детстве, требовали немедленного обморока или истерики.

Но вместо праведного гнева или паники внутри росло нечто огромное, горячее, заполняющее пустоту, оставшуюся после смерти матери. Ей вдруг показалось, что мать бы поняла. Графиня Елена всегда отличалась странным, почти мистическим взглядом на вещи. Она говорила, что судьба редко присылает гонцов в золоченых каретах. Чаще всего они приходят пешком, нарушая правила дорожного движения.

— Судьба, — вслух повторила Наталья свое собственное мимолетное воспоминание, глядя то на розу, то на освещенное золотым светом профиль Андрея. — Мне кажется, Ричард... простите, Андрей. Мне кажется, нас свело само провидение.

Имя «Ричард» сорвалось с губ случайно — отголосок тех самых дешевых готических романов в кожаных переплетах, которыми она тайком зачитывалась при свечах в своей унылой спальне, прячась от запаха лекарств и угасающей жизни. Романов о бледных героинях и страстных капитанах с туманным прошлым.

Андрей тихо, гортанно рассмеялся. Смех эхом отразился от дымоходов. — Провидение обычно сводит людей в гораздо менее живописных местах. Например, в очереди к дантисту. Или в канцелярии по сбору пошлин. Нет, Натали. Провидение здесь ни при чем. Это чистая физика. Закон притяжения массы. Когда в одной комнате собирается столько пустой породы, неизбежно возникает центр тяжести. Сегодня этим центром оказались вы. А меня просто затянуло в вашу орбиту.

Он сделал шаг вперед, сокращая и без того ничтожное расстояние между ними. Теперь их разделяла лишь алая роза. Лепестки касались лацканов его зеленого мундира, оставляя на золотом шитье невидимые следы пыльцы.

— Позвольте? — спросил он, и прежде чем она успела ответить, наклонился совсем близко.

Наталья почувствовала, как сердце пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в живот. Его губы — твердые, но удивительно теплые — коснулись сначала ее лба, прямо над переносицей. Легко, невесомо, словно ставя печать. Затем скользнули к виску, поймав выбившуюся прядь волос.

— Вы пахнете снегом и страхом, — прошептал он ей на ухо. Голос вибрировал, проникая под кожу. — Страхом перед тем, как сильно вы сейчас упадете.

— Я уже упала, — выдохнула она, не узнавая собственного голоса. Он стал хриплым, чужим.

— Тогда я обязан вас поймать.

Его рука отпустила талию, которую придерживала все это время, защищая от ветра, и переместилась ниже, властно, но бережно притягивая ее вплотную к своему телу. Наталья ощутила жесткую линию портупеи, твердость ремней, мускулистую сталь бедра. Он был сделан из войны, приказа и дисциплины. А она — из кружева невыплаканных слез и двух лет тишины. Столкновение этих материй высекало искры.

Вторая его рука зарылась в ее волосы, снимая остатки шпилек. Тяжелый узел рассыпался. Темная волна упала на плечи, путаясь с меховым воротником его ментика. Андрей зарылся лицом в эти волосы, глубоко втягивая воздух. — Господи, — пробормотал он глухо. — Что же ты делаешь со мной, девочка. Мы стоим на крыше. Нас ищут люди с ружьями. Мой полк завтра может выступать в маневры. А единственное, чего я хочу в целом мире — это целовать тебя, пока у меня не закончится кислород в легких.

Разум кричал Наталье, что нужно оттолкнуть его. Нужно вспомнить об отце, о разорванной репутации, о том, что первый мужчина, который целует девушку, определяет всю ее дальнейшую женскую судьбу. Но тело больше не подчинялось разуму. Оно плавилось, отвечая на жар его ладоней, прижимаясь теснее, инстинктивно ища защиты от пронизывающего ветра в кольцо его рук.

Их губы встретились.

Это не был осторожный, воспитанный поцелуй кавалера на паркете. В нем не было места жеманности. Это был голод пустыни, встретившей воду. Андрей пил ее дыхание, осторожно, но настойчиво раздвигая языком сомкнутые зубы, исследуя, завоевывая, обещая. Он целовал ее так, словно имел на это полное право, дарованное свыше, и одновременно — так бережно, будто боялся разбить.

Одной рукой он продолжал держать ее затылок, не давая отстраниться, другой медленно гладил спину вдоль позвоночника, заставляя Наталью выгибаться дугой, лнуть к нему всем телом, чувствовать каждый шов его одежды своей кожей сквозь тонкую шерсть платья.

Мир перестал существовать. Исчез Париж внизу. Исчез гнев отца. Исчез сам факт того, что она стоит на ледяной черепице в декабре. Остался только вкус корицы и табака на его языке, запах дикой розы, прижатой между их телами, и оглушительный звон собственной крови.

Когда он наконец оторвался от нее, тяжело дыша, его чайные глаза казались абсолютно черными. Золотые искры в них погасли, уступив место бездне. Он смотрел на ее припухшие, влажные губы, на расфокусированный взгляд, и в его лице боролись хищник и джентльмен. Хищник явно проигрывал, но сдаваться не собирался.

— Нам нужно идти, — хрипло сказал он, отстраняясь ровно на дюйм, чтобы дать ей возможность дышать. — Пока крыша не обрушилась нам на головы от святотатства, которое мы здесь творим. И пока ваш отец не поднял на уши всю столичную полицию.

— Куда? — спросила Наталья, цепляясь пальцами за его мундир. Мысль о том, что он сейчас уйдет обратно в ночь, оставив ее одну с этой розой и звенящей пустотой внутри, была физически невыносимой.

— Ко мне, — ответил он так же просто, как давал команду заряжать ружья. — Моя квартира здесь недалеко, на улице Лафайет. Там есть камин. Горячий глинтвейн. И замки, которые открываются только изнутри. Оставаться здесь дольше — самоубийство. А я, знаешь ли, предпочитаю убивать врагов, а не себя.

Логика подсказывала, что соглашаться нельзя. Честь подсказывала, что нужно потребовать карету домой немедленно. Но та часть души Натальи, которая два года молчала, сгнивая заживо в черной парче, вдруг закричала во весь голос. Она хотела тепла. Хотела этого мужчину. Хотела продолжения этого невозможного сна.

Она посмотрела на розу в своей руке. Бархат лепестков под ночным небом стал почти фиолетовым. Цветок начал увядать от мороза, края лепестков темнели, сворачиваясь. Жизнь уходила из него стремительно.

— Пойдемте, — сказала она, крепче сжимая стебель, несмотря на укол проснувшегося шипа. Боль в пальце казалась единственным реальным доказательством того, что она не спит. — Только... дайте мне минуту.

Наталья подошла к самому краю парапета. Ветер рванул полы ее плаща, пытаясь сбросить вниз. Она размахнулась и разжала пальцы.

Алая роза полетела вниз, кувыркаясь в потоках воздуха. Мгновение — и она исчезла в темноте переулков, растворившись в тумане над Сеной. Словно жертвоприношение. Символ той прошлой, благоразумной Натальи, которая осталась стоять наверху замерзшей, окровавленной, но совершенно счастливой.

Она повернулась к Андрею. Подняла подбородок. В глазах больше не было растерянности выпускницы института. Там стояла спокойная решимость женщины, сделавшей свой выбор. — Ведите, — приказала она. — Глинтвейн звучит превосходно. И проверьте, надежны ли ваши замки.

Андрей отсалютовал ей двумя пальцами у виска, как старшему по званию, а затем галантно предложил согнутую в локте руку.

Они покинули крышу через ту же самую дверь, беззвучно закрыв ее за собой. Спуск по винтовой лестнице занял вечность. Каждый шаг отдавался в теле Натальи сладкой дрожью предвкушения. Она шла вслед за ним в густую парижскую ночь, ведомая запахом пороха и дикой розы, навсегда въевшимся в память, прочь от правил, приличий и спасительного, мертвящего траура. Навстречу чему-то огромному, неизбежному и, возможно, разрушительному.

### Глава 3. Разговоры под луной

Декабрь в Париже — это не время года, а состояние души. Город кутается в серый туман, который пахнет мокрым углем и безнадежностью. Для всего остального света зима была временем затишья, спячки, ожидания Рождества за семейным столом. Для Натальи Воронцовой декабрь стал единственным месяцем, когда она по-настоящему жила.

Их тайный мир уместился в заброшенном саду герцогского поместья, примыкавшем к старой оранжерее. Ричард нашел это место на третью ночь после бала, изучив планировку крыши как карту будущих сражений. Сад был запущен: стриженные некогда кусты самшита разрослись в дикие геометрические фигуры, мраморные нимфы покрылись лишайником, а фонтан давно пересох, оставив лишь белесое кольцо соли вокруг пустого бассейна.

Но для свиданий это было идеальное место. Высокая кирпичная стена отделяла их от шумного бульвара, а кроны старых лип скрывали небо, превращая любую лунную ночь в интимный сумрак.

Они встречались через день. Ричард приходил первым — Наталья слышала условный свист со стены, короткий, похожий на крик ночной птицы, а затем глухой звук падения тяжелого тела в опавшую листву. Он всегда появлялся из темноты бесшумно, словно сотканный из самого мрака. Его зеленый мундир сливался с корой деревьев, делая его почти невидимым. Только блеск золотых пуговиц да светлые глаза выдавали присутствие живого человека.

Наталья сбегала из дома под предлогом головной боли или необходимости посетить утреннюю мессу в дальней часовне. Отец, оглушенный ее внезапным «выздоровлением» после двух лет апатии, боялся спугнуть удачу нотациями. Граф Алексей Петрович видел румянец на щеках дочери и свет в глазах, принимая это за естественное пробуждение юной крови. Он не знал, что этот румянец горит огнем чужих поцелуев, а свет в глазах отражается от золотого шитья гвардейских эполет.

Сегодня луна была полной. Она висела над садом огромный желтым фонарем, заливая дорожки мертвенным серебром. Иней покрыл пожухлую траву хрупким хрусталем. Наталья сидела на полукруглой каменной скамье у подножия пустой чаши фонтана, плотно запахнув полы собольей ротонды. Холод кусал щеки, но внутри нее пылал такой жар, что мороз казался благословением.

Треснула ветка. Не случайно, сухо, а намеренно — чуть левее от скамьи. Из тени старого дуба выступила фигура. Ричард не подошел сразу. Он остановился в полосе лунного света, глядя на нее так, словно видел впервые.

Луна жестока к женским лицам. Она подчеркивает каждую тень, каждую усталость. Но сейчас она делала Наталью неземной. Черная шерсть ротонды контрастировала с бледностью кожи, а волосы, которые она перестала укладывать в строгие прически ради этих встреч, тяжелой медной массой лежали на плечах. Ротонда была распахнута, открывая все то же строгое синее платье без лишних украшений. Единственным ярким пятном во всем этом монохrome были ее губы — припухшие, хранящие память о дневном прощании в тесной прихожей его квартиры.

— Вы простудитесь насмерть, Натали, — вместо приветствия сказал он. Голос звучал хрипло, простуженно. — Сидеть на камне в минусовую температуру — сомнительный способ самоубийства даже для русской аристократии.

Он шагнул вперед, оставляя следы на серебряном инее. Снег скрипел под его сапогами громко, неприлично громко для заговорщиков. Ричард сел рядом, игнорируя расстояние. Их бедра соприкоснулись сквозь плотную ткань одежды. Тепло его тела ударило Наталью, как крепкое вино.

— Я ждала вас, — просто сказала она. — Камень теплый, если знать, на какое место сесть. Этому меня научила мать. Она говорила, что земля помнит солнце дольше, чем люди думают.

Ричард снял перчатку и взял ее руку — ту, что лежала на коленях поверх меха. Повернул ладонью вверх. Ее пальцы посинели от холода. — Ваша мать учила вас замерзать? — Он начал дышать на ее пальцы, согревая их своим горячим воздухом. — Или вы делаете это специально, чтобы дать мне повод проявить героизм?

— Я делаю это, потому что здесь я чувствую себя настоящей, — ответила она, глядя, как его губы касаются костяшек ее пальцев. — Дома я снова становлюсь дочерью графа. Экспонатом. А здесь... здесь ветер может растрепать мне волосы, и никто не упадет в обморок. Здесь можно говорить правду.

Правда. Это слово стало фундаментом их странных отношений. В огромной квартире Ричарда на улице Лафайет, куда он привел ее той первой ночью, не было места светской лжи. Там пахло кожей, табаком, оружейным маслом и мужчиной. Он угощал ее глинтвейном из металлической кружки, закутывал в тяжелое армейское одеяло, пока она дрожала у камина, и рассказывал истории.

Не те истории, которыми бравируют офицеры в салонах, соблазняя жеманных барышень. Он говорил о другом.

Вчера вечером, например, сидя на полу перед пылающим очагом, положив голову ему на колени, Наталья слушала про Испанию. — Солнце там выжигает мозги, — говорил он, перебирая ее темные пряди. — Песок забивается везде, даже в душу. Мы стояли под Бадахосом трое суток. Без воды. Английские стрелки били нас с холмов, как куропаток. Знаешь, что самое страшное в бою, мышонок? Не грохот пушек. Тишина. Когда канонада стихает, и ты понимаешь, что сейчас нужно встать и идти туда, где смерть собирает урожай. У многих ноги становятся ватными. Они просто сидят в траншее и ждут, пока ядро найдет именно их. Потому что стоять и идти навстречу свинцу — это против самой природы человеческой.

— А вы? — прошептала тогда Наталья, сжимая его колено. — Вам тоже хотелось сидеть?

Ричард усмехнулся, и в полумраке комнаты эта усмешка выглядела древней, нечеловеческой. — Мне хотелось жить. Жажда жизни — лучший стимул. Я встал. Побежал. И знаешь, что я почувствовал, когда вражеская шпага прошла в дюйме от моего горла? Облегчение. Чистейшее облегчение от того, что страх остался позади, а впереди только сталь. Страх парализует, Натали. А мы родились, чтобы двигаться.

Сейчас, в ледяном саду, под этой равнодушной луной, эти слова обретали иную плотность. Она смотрела на его профиль — резкий нос, упрямый подбородок — и видела не столичного франта, а матерого зверя, вышедшего на охоту.

— Расскажите еще, — попросила она, прижимаясь плечом к его плечу. — О том, как вы получили вот это.

Ее свободный палец коснулся длинного, уже побелевшего шрама, пересекающего его левую бровь и теряющегося в волосах. Днем, при свете, шрам придавал его лицу жестокости. В лунном свете он казался печатью судьбы.

Ричард повернул голову. Его взгляд изменился — из охотничьего стал изучающим, почти научным. Так энтомолог рассматривает редкую бабочку. — Эту метку мне оставил один прусский лейтенант. Под Йеной. Глупая была стычка. Нас бросили прикрывать отступление артиллерии. Нас было двенадцать человек. Их — рота. Этот пруссак был огромным, как медведь. Широкие плечи, руки до колен. Он выбил мою саблю приемом, которого нет ни в одном учебнике фехтования. Просто перехватил клинок голыми руками — перчатки лопнули, кожа сошла до мяса, но он держал сталь. А потом ударил головой. Прямо в лицо. Очнулся я уже среди трупов наших ребят. Пруссак лежал неподалеку с моей саблей в горле. Видимо, рука дрогнула в последний момент. Хороший был солдат. Жаль, что пришлось убить.

Он рассказывал это ровным голосом, констатируя факт. Ни сожаления, ни бахвальства. Для него война была ремеслом, кровавым и грязным, но единственно возможным. И эта честность обезоруживала сильнее любых комплиментов.

— Вам не страшно вспоминать? — тихо спросила Наталья. — Страшно забыть, — ответил он. — Если забуду лица тех, кто шел рядом, значит, они умерли зря. А я пока не могу себе позволить такую роскошь — считать чьи-то смерти напрасными. У меня слишком большие планы на собственную жизнь.

Его голос потеплел, став бархатным. Ричард наклонился ближе, касаясь губами ее холодного уха. — И в этих планах есть одна графиня. Которая упорно пытается превратиться в сосульку.

— Я не графиня в вашем присутствии, — возразила она, поворачивая лицо к нему. Их дыхания смешались, образуя облачко пара между ними. — Я просто женщина, которая хочет, чтобы ее поцеловали, пока окончательно не отмерз нос.

Он рассмеялся — коротко, гортанно. Смех растворился в ее рту. Поцелуй начался нежно, исследующе, словно он проверял границы дозволенного сегодня. Но нежность быстро иссякла, уступая место голоду. Его руки легли на ее затылок, зарываясь в волосы с силой, которая должна была пугать, но вызывала лишь волну жара внизу живота.

Ричард целовал ее так, будто пытался выпить всю до дна, запомнить вкус, текстуру, стоны. Одной рукой он расстегнул верхнюю пуговицу ее платья, проникнув под воротник. Ладонь легла на ключицу, спустилась ниже, накрыв грудь сквозь тонкую шерсть и хлопок сорочки. Наталья выгнулась, подаваясь навстречу этому требовательному теплу. Мир сузился до размеров этой скамьи, этого сада, этого мужчины, который владел ее телом и разумом без остатка.

Когда необходимость в кислороде заставила их разорвать контакт, Наталья тяжело дышала, прислонившись лбом к его плечу. Сердце билось где-то в горле.

— Ваши подруги правы, — вдруг совершенно обыденным тоном произнес Ричард, застегивая ей пуговицу ловкими пальцами. — Я погублю вашу репутацию.

Фраза прозвучала как выстрел в тишине. Наталья подняла голову. — Что? — Мадам де Креки. Маркиза д'Анже. Вся та стая щебечущих сорок, что окружает вашего отца на благотворительных базарах. Они смотрят на вас, Натали. За вами следят. Старая Европа любит наблюдать за падением молодых звезд. Еще неделю назад вы были трагической фигурой — бедная сиротка в черном. Теперь вы загадка. Девушка в синем бархате, чей смех звучит слишком громко, а взгляды задерживаются на мужчинах слишком долго. Мой адъютант доложил, что ставки на ваше падение уже принимают в офицерском казино.

Кровь отхлинула от лица Натальи. Холод наконец добрался до костей, сковывая внутренности льдом. Подруги. Те самые скучающие девицы, которых отец приглашал на фэйф-о-клок, пытаясь вернуть дочь в общество. Девицы, которые смотрели на простое платье Натальи с плохо скрытым презрением две недели назад.

— Они завидуют, — неуверенно проговорила она. — Завидуют тому, что я... счастлива.

— Они боятся, — поправил Ричард. Он взял ее лицо в ладони, заставляя смотреть прямо в его чайные глаза. Луны было достаточно, чтобы увидеть: он абсолютно серьезен. Исчез игривый повеса, исчез рассказчик баек. Перед ней сидел стратег. — Боятся твоей свободы, мышенок. Ты ходишь по лезвию ножа. Один неверный шаг, одно письмо, попавшее не в те руки, один свидетель нашего ухода отсюда — и твой отец будет вынужден либо вызвать меня на дуэль, либо запереть тебя в Шарантон. Дуэль со мной он проиграет, сумасшедшим домом ты не станешь. Значит, тебя ждет монастырь. Навсегда. Тихая комната, кусок хлеба и молитвы до конца дней. Тебе нравится такая перспектива?

Слова должны были напугать ее. Должны были заставить потребовать карету домой, написать гневное письмо с отказом от встреч. Любой здравомыслящий человек бежал бы от этого мужчины, спасая остатки чести.

Но Наталья посмотрела на его жесткие губы, на шрам, на решительную линию подборка и почувствовала нечто иное. Прилив острой, собственнической гордости. Он говорил об опасности, но интонация его была покровительственной. Он не угрожал ей крахом. Он предупреждал, потому что считал ее своей территорией, которую нужно защищать.

— Пусть смотрят, — сказала она, и собственный голос показался ей незнакомым — низким и опасным. — Пусть делают свои ставки. Пока они считают ваши монеты в казино, вы находитесь здесь. Со мной. И если ваш адъютант следит за нами, передайте ему, что завтра на моем левом плече появится синяк размером с ливр. Посмотрим, какие сплетни родятся из этого.

Она задрала рукав ротонды и платья, обнажая молочно-белую кожу предплечья. Ричард проследил за ее взглядом. На месте, где час назад его пальцы впивались в ее тело, удерживая на краю экстаза, действительно темнело багровое пятно.

Уголки его рта дрогнули в улыбке. — Дьявол. Никакой осторожности. — Хватит осторожности, — отрезала она, опуская рукав. — Я устала быть фарфоровой куклой, Ричард. Мать умерла, и меня упаковали в сундук вместе с ее платьями. Вы вытащили меня оттуда. Даже если цена этому — монастырь, оно того стоило. Я лучше сгорю за одну зиму с вами, чем буду тлеть шестьдесят лет в благочестии.

Это признание повисло в морозном воздухе. Оно было громче любого крика. Наталья сама испугалась собственной смелости. Она только что подписала себе приговор, и сделала это добровольно.

Ричард молчал долго. Смотрел на нее так, словно видел рентгеновский снимок ее души. Затем медленно кивнул. — Хорошо, — выдохнул он. — Будем гореть. Но мы будем делать это умно.

Он поднялся со скамьи, протягивая ей руку. — Вставай. Прогулки под луной хороши для поэзии, но плохи для конспирации. Проводи меня до калитки, как подобающая леди, которой внезапно захотелось свежего воздуха перед сном. Десять шагов чинно. Потом побежим.

Наталья вложила свою руку в его. Перчаток на них обоих не было — они остались лежать на скамье забытые. Их переплетенные пальцы обожгло холодом и теплом одновременно.

Обратная дорога к дому заняла двадцать минут быстрым шагом. Ричард вел ее дворами, известными только местным бродягам и таким, как он. Они перелезли через две невысокие ограды, испачкав подолы о влажную землю, нырнули в переулочек мясников, где воняло кровью и гнилью, и вышли точно к черному ходу особняка Воронцовых.

Перед тем как нажать на ручку двери, ведущей в лакейскую, Ричард остановил ее, прижав спиной к холодной кирпичной кладке. — Послезавтра, — прошептал он, целуя ее в уголок рта. — Там же. После полуночи. Луна начнет убывать, стража станет ленивее. — Я буду ждать, — пообещала она, цепляясь за его рукава. — Нет, — он мягко, но властно отвел ее руки. — Ты будешь спать. Набираться сил. И думать. Думать очень серьезно, готова ли ты поставить на кон всё. Потому что следующую партию мы играем по-взрослому. Я начинаю действовать.

Он отпустил ее так же внезапно, как и схватил. Растворился в темноте арки соседнего дома, не издав ни звука.

Наталья стояла в вонючем переулочке, дыша запахом требухи и угля, и улыбалась. Сердце не трепетало от страха. Оно пело боевую песню.

Следующие два дня стали пыткой ожиданием.

Днем она исполняла роль примерной дочери. Сидела в гостиной, вышивая салфетку (стежки ложились криво), выслушивала новости о повышении цен на овес и здоровье тетушки

Софи. Отец смотрел на нее с надеждой, которая постепенно сменялась легким недоумением. Румянец Натальи не сходил, глаза блестели лихорадочно, а движения приобрели хищную грацию. Она больше не сутулилась, стараясь стать незаметной. Она двигалась по комнатам как пантера по вольере — плавно, уверенно, занимая собой пространство.

Подруги приехали в четверг. Лидия и Мари — дочери каких-то мелких чиновников, получивших доступ в дом Воронцовых благодаря старым долгам графа. Девушки, чьи амбиции ограничивались удачным замужеством с престарелым бароном и покупкой нового парика раз в сезон.

Они пили чай с лавандовым медом. Лидия, обладательница вечно выпученных глаз и привычки говорить шепотом, наклоняясь к собеседнику, крутила в руках фарфоровую чашечку. — Говорят, гвардия совсем потеряла стыд, *ma chère*, — начала она, стреляя глазами в сторону Натальи. — Капитан Делорм... ах, прошу прощения, кажется, его зовут иначе... говорят, он коллекционирует разбитые сердца, как другие собирают ордена.

Мари, более прямолинейная и глупая, тут же подхватила: — Шарлотта де Бове видела его вчера утром. Выходящим из экипажа мадам де Сен-Пре в семь утра. А ведь мадам замужняя женщина! Представляете? Семь утра! Несомненно, они провели ночь вместе. Какой скандал!

Наталья размешивала сахар в своей чашке. Серебряная ложка звякала о фарфор ровно и спокойно. Внутри нее всё кипело, но лицо оставалось маской вежливого внимания. — Шарлотта де Бове страдает сильной близорукостью, — ровно сказала она, не поднимая глаз от чая. — В семь утра, зимой, в тумане, она способна разглядеть разве что очертания вешалки для шляп. Кроме того, капитан Делорм предпочитает блондинок. А мадам де Сен-Пре брюнетка. Логическая ошибка, *mesdames*.

Подруги осеклись. Они пришли подкормиться слухами, надеясь увидеть краску стыда на лице «синего чулка», а встретили холодный, оценивающий взгляд существа другого вида. — Впрочем, — продолжила Наталья, откладывая ложку. Звук получился неожиданно резким. — Какое счастье, что репутация других людей заботит вас гораздо больше вашей собственной вышивки, Лидия. У вас узел на последней розе пошел вкривь. Весьма символично.

Лидия вспыхнула и инстинктивно спрятала руки с пальцами на коленях. Визит скомкался. Через полчаса девушки удалились, оставив после себя запах дешевых фиалковых духов и густое облако зависти.

Отец, ставший свидетелем финальной сцены, дождался, пока за гостями закроется дверь, и медленно прошел вглубь кабинета. — Это было жестоко, Натали, — сказал он, наливая себе бренди. Руки его слегка дрожали. — Лидия — дурочка, но она не заслужила публичной порки. — Они хотят видеть меня жалкой, папа, — Наталья подошла к окну. Во дворе дворник скалывал лед. — Им уютно, когда я страдаю. Моя скорбь оправдывает их собственное ничтожество. Я больше не намерена давать им комфорт за свой счет.

Граф отпил бренди. Он смотрел на дочь так, словно видел призрака. Елена никогда не позволяла себе таких выпадов. Елена была мягкой, дипломатичной, она гасила конфликты одним взглядом. — Кто он? — спросил Алексей Петрович тихо. Вопрос дался ему тяжело. — Тот, кто вернул тебе цвет лица. Я знаю всех подходящих холостяков в Париже. Никто из них не способен вызывать... такое преображение. — Он не холостяк, папа, — честно ответила Наталья, поворачиваясь к отцу. — И он не собирается становиться мужем. Он просто делает меня живой. Разве этого недостаточно?

Вопрос повис между ними. Граф понял, что проиграл. Он боролся с трауром, с болезнью, с финансовыми отчетами. А бороться с чужой жадной жизни бесполезно. Можно только надеяться, что вода не затопит корабль. — Только будь осторожна, — сдался он. — Свет не прощает счастья, которое выглядит слишком дешевым.

Оставшись одна, Наталья подошла к секретеру. Достала лист плотной бумаги, чернила. Макнула перо. Писать левой рукой было неудобно — правую накануне вечером Ричард

довольно сильно прикусил у основания большого пальца, отметив ее как свою собственность. Метка до сих пор пульсировала тупой болью.

*«Я готова. Нож острый. Жду знака».*

Письмо было коротким. Никаких имен. Она скатала бумагу в тугой шарик, обернула его в промасленный шелк для защиты от влаги и спрятала в ладанку на шее, под платье. Завтра она передаст его через мальчишку-посыльного из булочной на углу улицы Лафайет. Мальчишка ничего не знает, кроме того, что получит су за доставку «особого письма».

Ночь принесла сон, лишенный сновидений. Сон солдата перед атакой.

В пятницу ударил мороз. Настоящий, русский, пробирающий до самых легких. Окна в доме украсились сложными белыми узорами.

Ричард пришел раньше обычного. Наталья услышала свист около одиннадцати вечера. Сердце пропустило такт. Сегодня не было ленивой прогулки по саду. Воздух звенел от напряжения.

Он перемахнул стену с легкостью кошки. Оказавшись внизу, замер, прислушиваясь. Затем рванул к скамье у фонтана, где ждала она.

На нем не было привычного зеленого мундира. Вместо него — потертый коричневый сюртук, стоптанные сапоги и простая вязаная шапка, натянутая на уши. Лицо было замазано какой-то сажей, превратив его в безликую тень. От него пахло дымом, кожей и опасностью.

— Добрый вечер, сударыня, — бросил он отрывисто, хватая ее за руку. Хватка была железной. — Простите за спешку. Время — деньги, а сегодня мы тратим целое состояние.

— Что происходит? — выдохнула она, едва успевая за его широким шагом. Он тащил ее не к выходу, а вглубь сада, к старой оранжерее. — Происходит ваша новая жизнь, — бросил он через плечо. — Та самая, о которой вы мечтали, читая баллады при свечах. Романтики желаете? Будет вам романтика.

Он втолкнул ее в стеклянный провал оранжереи. Внутри царил мрак и запах прелой земли. Сквозь мутные, заросшие грязью стекла лунный свет едва пробивался тусклыми пятнами. — Снимите это, — приказал он, указывая на ее ротонду и дорогое синее платье.

Наталья вздрогнула, но не от холода. — Здесь? Ричард, нас увидят... — Отсюда видно только звезды, — оборвал он. — Переодевайтесь. Быстро. Мокрое белье оставляйте здесь. Вот одежда.

Он швырнул на ящик с землей сверток грубой ткани.

Понимание обрушилось на нее внезапно и тошнотворно. Запах дыма. Грязь на его лице. Потертая одежда. План побега. Тот самый, взрослый уровень игры.

Дрожащими пальцами она начала расстегивать крючки платья. Ричард стоял отвернувшись, охраняя вход, вслушиваясь в звуки ночи. Каждое движение давалось с трудом: корсет затянут слишком туго, шнурки ботинок примерзли.

— Быстрее, Натали! — рыкнул он, не оборачиваясь. — Святые угодники, женщины одеваются целую вечность. Нам нужно быть у восточных ворот через десять минут. Карета ждет.

Она сбросила последнее, оставшись в одной тонкой сорочке. Мороз мгновенно сковал нагое тело. Зубы начали отбивать дробь. — Сапоги велики, — пожаловалась она, пытаясь натянуть грубые мужские башмаки на шерстяной носок. — Затянешь портянками, — он наконец обернулся. Взгляд его скользнул по ее телу — быстрый, профессиональный, оценивающий сохранность груза. Никакой похоти. Только расчет. — Накинь сюртук. Шапку на глаза. И запомняй: с этой секунды ты — мой младший брат. Немой. Контуженый под Ваграмом. Дергается левый глаз. Поняла? Ничего не говори. Если спросят — мычи и смотри в землю.

Он набросил ей на плечи тяжелый, пропахший табаком военный сюртук без знаков различия. Ткань упала до колен, полностью скрыв фигуру. Поверх — вязаная шапка, утопившая лицо в тени.

Ричард осмотрел ее критически. Остался доволен. — На монахиню-трансвестита похоже больше, чем на гвардейца, но сойдет для сельской местности. Держись за моим левым плечом. Шаг в шаг. Если скажу бежать — беги, даже если ноги откажут.

Они покинули оранжерею через пролом в задней стене, о котором Наталья даже не подозревала. Начался безумный бег.

Ричард несясь сквозь лабиринт задних дворов, конюшен и дровяных складов с уверенностью крысы, знающей каждый поворот канализации. Он перепрыгивал через телеги, отталкивался от бочек, подтягивался на выступах стен. Наталья, несмотря на разницу в росте и длине ног, старалась не отставать. Адреналин сжигал остатки страха. Остался только ритм: вдох-выдох, удар тяжелых подошв о мерзлую землю, боль в боку.

Восточные ворота оказались служебными, ведущими на хозяйственный двор. Обычно они были заперты на засов, но сегодня засов был поднят. Рядом топтался мужичонка в тулупе, ежась от холода. При виде Ричарда он молча кивнул и поспешил обратно в теплую сторожку.

За воротами, в тени акаций, стояла закрытая дорожная карета. Неприметная, темно-серая, без гербов. Кучер на козлах кутался в меховой полог, напоминая мешок с тряпьем.

Ричард буквально забросил Наталью внутрь кареты. Следом влез сам, задвинув дверцу. Внутри было тесно, пахло лошадьми, дегтем и сырой шерстью. Темнота абсолютная. — Замрите, — прошепел он, наваливаясь на нее всем телом, когда кучер щелкнул кнутом.

Карета дернулась. Их швырнуло друг на друга. Ричард использовал свое тело как амортизатор, принимая удары стенок на свои плечи, защищая Наталью. Она оказалась зажата между ним и деревянной панелью, чувствуя каждый мускул его торса, каждое напряженное ребро.

— Куда мы едем? — прошептала она в темноту, едва находя место для вдоха под тяжестью его руки, прижимающей ее голову к своему плечу. — Туда, где твой отец не достанет тебя даже с приказом короля, — ответил он. Голос вибрировал от дороги и сдерживаемого торжества. — На побережье. В Нормандию. У меня там домик. Старый, продуваемый всеми ветрами маяк. Никому не придет в голову искать графиню Воронцову в жилище смотрителя моря.

— Маяк... — повторила Наталья. Слово звучало как музыка. Конец пути. Край земли. — Три дня пути, если лошади не падут, — продолжил Ричард, ослабляя хватку теперь, когда карета пошла ровнее по брусчатке предместий. — Еды мало. Воды тоже. Придется терпеть. Зато там, наверху, под рев шторма, нам никто не мешает разговаривать. Годами, если понадобится. Я купил целый год твоего голоса, Натали. Надеюсь, тебе хватит слов рассказать мне всё.

Наталья повернула голову в темноте, ища его губы. Нашла. Поцелуй вышел неуклюжим, смазанным из-за тряски, соленым от дорожной пыли и пота. Но в нем было обещание. Обещание рассвета после бесконечной полярной ночи.

— У меня много слов, — прошептала она, разрывая поцелуй. — Целая жизнь молчания.

— Тогда начнем немедленно, — он устроил ее голову на своем плече, как на подушке. Его дыхание выровнялось. — Рассказывай. О матери. О том, почему ты боишься зеркал. О том, какую музыку слышишь во сне. Дорога длинная, а я намерен узнать о тебе всё. Включая то, чего ты сама о себе не знаешь.

Карета катилась прочь от сияющих огней Парижа, погружаясь в непроглядную тьму провинции. Позади оставалась прежняя жизнь, этикет, долги отца и слезы подруг. Впереди ревел океан, выл северный ветер и ждал старый маяк.

Наталья закрыла глаза. Впервые за два года она не чувствовала холода. Ричард делился с ней своим внутренним огнем, и этого пламени хватило бы, чтобы обогреть целую армию потерянных душ. Она верила каждому его слову. Верила, потому что любовь слепа, а еще потому, что иногда спасение действительно приходит в облике вооруженного до зубов дьявола, который крадет тебя прямо из-под носа у ангелов-хранителей.

## Глава 4. Анна с золотыми локонами

Нормандский ветер оказался живым существом. Он не просто дул — он пытался содрать кожу, выстудить легкие и вырвать волосы с корнем. Маяк стоял на самом краю гранитного утеса, вгрызаясь фундаментом в мокрый камень. Зимой здесь царила первобытная дикость. Море внизу билось о скалы с ревом раненого зверя, белая пена взлетала выше смотровой площадки, оседая ледяной солью на стеклах.

Наталья прожила там месяц.

Для всего Парижа графиня Воронцова исчезла. Отец рвал и метал, полиция сбилась с ног, добровольцы прочесывали леса вокруг столицы. Алексей Петрович разослал письма во все посольства Европы. Дочь похищена, соблазнена или убита — версий было много, но ни одна из них не предполагала, что Наталья сидит сейчас у камина сложенного из грубого камня очага, босая, завернутая в два шерстяных пледа, и штопает дыру на рукаве мужской рубахи.

Ричард сдержал слово. Это был их мир. Утром он уходил проверять сети или чинить механизм линзы Френеля наверху маяка. Днем они читали друг другу вслух дешевые приключенческие романы, найденные на чердаке зрителя. Ночами же старый маяк скрипел и стонал под ударами ветра, а они сжигали друг друга дотла в узкой кровати под скошенным потолком. Здесь не было зеркал, чтобы оценивать свою красоту, не было шелка, чтобы ласкать кожу. Была только соль, пот, запах керосина и абсолютное, оглушающее счастье человека, нашедшего единственный клочок суши посреди всемирного потопа.

Она знала его теперь лучше, чем себя. Знала, как дергается уголок его рта перед тем, как он скажет ложь во спасение. Знала шрам от турецкого ятагана под правой ключицей, похожий на застывшую молнию. Знала, что за внешней броней циничного солдата скрывается почти болезненная потребность защищать слабых. Он рассказывал ей о тактике кавалерийских засад так же нежно, как другие мужчины говорят о колыбельных для первенца.

— Ты слишком тихо дышишь, мышонок, — сказал он однажды ночью, прерывая поцелуй. — Я привык слышать врага за милю. А когда ты замираешь, мне кажется, что призрак вернулся. — Я учусь дышать заново, — ответила она тогда. — До встречи с тобой я вообще не помнила, как это делается.

Они были счастливы. И именно поэтому гром, когда он грянул, показался Наталье расколовшим само небо над Ла-Маншем.

В Париж пришлось вернуться внезапно. Граф Воронцов, отчаявшись найти дочь законными путями, пошел по пути шантажа. Через подставных лиц до Ричарда дошло известие: если капитан Делорм (теперь Наталья знала, что «Ричард» — лишь удобное прозвище, которым она называла его в минуты нежности) не вернет девушку в течение недели, полк отправят в Алжир без него. Навечно. Или того хуже — военный трибунал за дезертирство и похищение офицерской дочери.

Старая жизнь оказалась цепким спрутом. Она тянула щупальца даже сквозь штормы Нормандии.

Возвращение было обставлено как триумф грешницы. Карета отца ждала их в порту Дьеппа. Алексей Петрович осунулся, постарел на десять лет, но взгляд его оставался сталью. Он не ударил Наталью. Не закричал. Он смотрел на нее так, словно видел грязную, заразную вещь, которую нужно срочно изолировать.

— Домой, — бросил он кучеру.

Никаких объятий. Ричард сидел напротив, бледный, с плотно сжатыми губами. На коленях у него лежал небольшой кожаный саквояж — всё их имущество. Между двумя мужчинами,

разделенными пропастью сословий и ненависти, сидела Наталья, чувствуя себя единственным трофеем в этой молчаливой войне.

Первые дни в особняке превратились в пытку. Тяжелые портьеры, которые раньше казались защитой, теперь давили на плечи могильными плитами. Пыль, протертая горничными к ее приезду, пахла тленом. Отец посадил ее под домашний арест. Платья снова стали черными — траур по матери официально продлился еще на год ввиду «позорного поведения дочери».

Но стены тюрьмы оказались проницаемыми. У Ричарда была своя сеть осведомителей среди прислуги, уличных торговцев и конюхов. Записки передавались внутри хлебов, в полостях каблуков, через слепых музыкантов на углу улицы. Они встречались трижды. Быстро, украденными минутами то в исповедальне дальнего храма, то в подсобке книжной лавки. Каждый раз это был акт отчаянной, горькой любви. Они прощались навсегда каждую встречу, зная, что Алжир или трибунал уже дышат им в затылок.

Именно эта нервность, этот привкус скорой гибели заставляли Наталью ценить каждое мгновение. Она гнала любые сомнения. Сомнения — это роскошь, которую влюбленная женщина не может себе позволить, когда ее мужчину вот-вот поглотит бездна.

Поэтому солнечное утро вторника стало для нее ударом кинжала под ребра.

Граф уехал в Палату пэров обсуждать какие-то пошлыны. Горничные получили выходной. Наталья осталась одна в огромном мавзолее дома. Скука стала невыносимой. Ей захотелось почувствовать пульс города, который она покинула ради соленого ветра. Переодевшись в самое скромное темно-серое платье и накинув густую вуаль, она приказала подать закрытую карету и велела везти себя в торговые ряды квартала Ле-Аль.

Шум рынка обрушился на нее водопадом. Крики зеленщиков, визг свиней, ругань возниц, звон медяков. Воздух пах гнилыми овощами, свежей кровью, жареными каштанами и духами мадам Обен. Наталья шла вдоль прилавков, кутаясь в дешевую ротонду, купленную тут же у старьевщика, наслаждаясь анонимностью. Под вуалью ее никто не узнавал. Она была просто серой мышью в толпе таких же горожанок.

Она остановилась у лотка с лентами. Продавец, толстый провансалец с усами как у моржа, расхваливал новый завоз лионского бархата. Наталья рассеянно перебирала пальцами алый шелк, думая о том, какое платье она бы надела сегодня вечером, если бы имела право выйти к ужину. Мысль мелькнула и ушла, оставив легкую грусть.

И тут смех.

Звонкий, переливчатый, совершенно неуместный в утренней рыночной суете. Смех женщины, уверенной в своей безопасности и власти.

Наталья замерла. Инстинкт, обостренный месяцами жизни в постоянном ожидании опасности, заставил ее медленно, миллиметр за миллиметром, повернуть голову направо. Там, чуть дальше по ряду, у телеги с битой птицей, стояла группа людей.

Сердце Натальи пропустило удар. Затем второй. Третий. Оно забилось где-то в ушах, заглушая рыночный гул.

Это был он.

Ричард.

Безупречно одетый в дорогое пальто цвета бургундского вина, белоснежная сорочка, трость с серебряным набалдашником. Никакой грязи на лице, никакой усталости. Лицо светилось здоровьем и самодовольством сытого хищника. Он выглядел так, будто никогда не жил в промерзшем маяке, не пил воду из луж и не целовал ее пальцы, стертые веслами.

Но шок вызвала не перемена в его облике. Шок вызвало существо, висевшее на его левой руке.

Женщина была воплощением солнца. Высокая, статная, с фигурой, которая смело заявляла о себе даже под слоями плотного кремового шелка. Но главным был цвет. Золото. Ее волосы, уложенные в сложную прическу, напоминали жидкий металл, струящийся по плечам.

Локоны выбивались из-под шляпки с белым пером и падали на воротник собольей накидки. Кожа — фарфоровая, гладкая, туго натянутая на высоких скулах. Губы полные, ярко-алые, сейчас растянутые в улыбке, предназначенной исключительно для Ричарда.

Наталья видела сотни красавиц при дворе герцога Орлеанского. Но рядом с этим золотом любая из них казалась тусклой оловянной игрушкой.

Незнакомка что-то говорила Ричарду, интимно понизив голос. Тот наклонился к ней — движение собственника, защитника, любовника. Его губы коснулись ее уха. Женщина запрокинула голову, открыв длинную, лебединую шею, и снова рассмеялась. Затем произошло нечто, от чего внутренности Натальи превратились в лед.

Блондинка взяла руку Ричарда — ту самую руку, которая еще вчера ночью сжимала ладонь Натальи так, что оставались синяки, — и переплела свои пальцы с его. Но этого ей показалось мало. Она провела большим пальцем по костяшкам его руки, затем демонстративно, на глазах у всей площади, подняла эту соединенную руку и прижалась к ней щекой. Глаза ее при этом смотрели прямо на профиль Ричарда с обожанием сытой кошки.

У Натальи подогнулись колени. Мир поплыл перед глазами, размазываясь акварелью. Рынок вдруг стал невероятно тесным, воздух закончился. Шелк ленты, которую она все еще держала, превратился в удавку.

Нужно было бежать. Прямо сейчас. Закричать, упасть в обморок, сделать хоть что-нибудь, чтобы прекратить эту пытку созерцанием. Но тело отказывалось повиноваться. Она приросла к брусчатке, спрятавшись за спину какого-то грузчика с корзиной рыбы, боясь вздохнуть.

Кто она?

Мозг лихорадочно искал объяснений. Куртизанка высшего ранга? Содержанка? Нет, куртизанки ведут себя вызывающе, играют роль. Эта двигалась с ленивой грацией королевы. Родственница? Сестра? У Ричарда не было семьи, он говорил об этом с какой-то мрачной гордостью. Старая любовь? Невеста?

Слова «старый друг семьи», которыми он должен был представить ее отцу, вспыхнули в памяти ядовитыми буквами. Друг семьи. Как удобно. Как лживо.

Ричард наконец заметил, что блондинка отпустила его руку, чтобы указать на какую-то редкую птицу в клетке. Он выпрямился. Провел рукой по волосам. И в этом жесте Наталья увидела *его* — своего Ричарда. Легкую тень раздражения, скользнувшую по лицу прежде, чем он снова надел маску светского льва. Ему было скучно с этой совершенной куклой.

Надежда тонкая, как паутина, затрепетала в груди. Может быть... может быть, это часть плана? Какого-то чудовищного, непонятного ей плана спасения? Может, отец девушки — тот самый кредитор, который выкупил отсрочку для полка?

В этот момент Ричард поднял глаза.

Его взгляд скользнул по рядам, равнодушно миновал рыбные туши, бочки с сельдью, лица торговков. Остановился на серой тени за спиной грузчика. На женщине под густой вуалью.

Время остановилось.

Их взгляды встретились через двадцать футов рыночного шума.

Наталья ожидала увидеть панику. Страх разоблачения. Просьбу в глазах. Хоть что-то, что объяснило бы присутствие золотой богини.

Лицо Ричарда осталось абсолютно непроницаемой маской. Ни один мускул не дрогнул. Чайные глаза, которые неделю назад смотрели на нее с такой обнаженной нежностью в подвале старой прачечной, сейчас стали пустыми. Темное бутылочное стекло. Взгляд незнакомца.

Он едва заметно кивнул ей. Коротко. Формально. Так кланяются случайному знакомому на приеме, имя которого никак не можешь вспомнить.

Затем он перевел взгляд обратно на Анну. Наклонился к золотым локонам и что-то прошептал. Блондинка удовлетворенно мурлыкнула в ответ и вновь властно взяла его под локоть,

увлекая прочь, в сторону выхода из рядов, где ждал экипаж с гербом — Наталья успела заметить оскаленную волчью голову на дверце.

Они ушли. Растворились в парижском мареве. Звук копыт их экипажа быстро затих, поглощенный общим гулом.

Грузчик с рыбой переступил с ноги на ногу, возвращая Наталью к реальности. Лента выскользнула из ослабевших пальцев и упала в грязь, мгновенно впитавшую городскую сажу.

Наталья не заплакала. Слез не было. Внутри образовалась звенящая, вакуумная пустота. Боль придет позже, поняла она краем сознания. Сейчас был только холод. Полное, анатомическое отделение души от тела. Она смотрела на свое отражение в грязной луже у ног. Серое пятно. Призрак.

Она развернулась и пошла. Не к своей карете. Просто вперед. Рассекая толпу, не замечая толчков и ругани. Механическая походка, прямая спина, вуаль опущена ниже подбородка. Она шла так час. Или пять минут. Время потеряло смысл.

Город вокруг жил своей жизнью, переваривая людей. Мясники рубили кости, булочники доставали пышущий хлеб, дети гоняли облезлых котов. Никто не знал, что только что рухнула вселенная одной конкретной графини.

Мысли вернулись позже, когда она обнаружила себя сидящей на скамье в Тюильрийском саду. Сад был пуст и гол. Черные ветви деревьев царапали низкое свинцовое небо.

Первая мысль была защитной, жалкой: *«Это недоразумение»*. Вторая, более трезвая: *«Дочь старого друга семьи»*. Третья, самая страшная: *«Как часто навеивают старых друзей семьи?»*

Анна не была похожа на родственницу. Родственницы держат дистанцию или целуют в обе щеки. Анна держала его как собственность. Та фамильярность, с которой ее пальцы касались его руки, та уверенность позы говорили о тысячах ночей, проведенных вместе. О праве собственности, которое вырабатывается годами привычки.

А как же маяк? Рев шторма? Шершавые ладони, снимающие сапоги с ее замерзших ног? Разговоры до утра шепотом, чтобы не будить эхо в каменных стенах? Разве можно подделать такую усталость и такое облегчение в чужих глазах?

Разве можно имитировать страсть, от которой трескаются доски кровати?

Наталья достала медальон, который носила под платьем. Открыла его. Внутри был крошечный портрет матери. Елена смотрела строго, но любяще. *«Люди носят маски, Наташа, — всплыл в памяти тихий голос матери. — Чем добрее человек, тем страшнее маска, которую он надевает, чтобы защитить тех, кого любит. Но иногда маска прирастает к коже. И тогда спасать становится некого»*.

Спасательная шлюпка дала течь. Корабль под названием «Любовь до гроба» напоролся на риф Реальности. Анна с золотыми локонами была капитаном другого судна, которое давно и прочно стояло в гавани Ричарда.

Горячая, едкая волна унижения поднялась изнутри. Она вспомнила, как хвасталась перед ним своим умением штопать чулки. Как верила, что ее девичья чистота и искренность — это дар, которому нет цены. Для Анны она наверняка была забавной деревенской дурочкой, временным развлечением ссыльного капитана. Интрижкой на одну зиму. Экзотикой. Русской снежной королевой, которую приятно согреть у огня, пока настоящая хозяйка ждет в теплом замке.

— Сударыня? Вам плохо? — раздался над ухом деликатный мужской голос.

Наталья вздрогнула. Рядом стоял пожилой господин в потертом пальто, опираясь на трость. В глазах его плескалось профессиональное участие врача или полицейского агента.

— Нет, благодарю, — голос прозвучал сипло, чужой. — Просто... немного душно. — В феврале в Тюильри свежо, сударыня, — заметил господин, принимаясь. От самого Натальи,

должно быть, пахло отчаянием. — Позвольте проводить вас до стоянки экипажей. Вы очень бледны.

Она хотела отказаться. Хотела остаться здесь, примерзнуть к этой скамье, стать частью чугунного литья. Но остатки воспитания взяли верх. — Благодарю. Вы очень добры.

Господин предложил ей руку. Наталья оперлась на нее. Пальцы старика дрожали. Весь мир состоял из дрожащих, ненадежных рук.

По дороге к выходу из сада она приняла решение. Самое взрослое и самое разрушительное решение в своей жизни.

Если игра ведется по правилам света, значит, пора изучить эти правила. Если Ричард выбрал маску благополучного буржуа с невестой-аристократкой, она станет самой послушной дочерью в Париже. Она вернется в церковь. Примет волю отца. Выпьет чашу унижения до дна.

Пусть Анна носит его фамилию. Пусть спит в его постели в том золотом дворце с волчьим гербом.

Наталья больше не будет прятаться в оранжереях и читать стихи шепотом. Она выйдет в свет. Наденет самые дорогие платья. Будет смеяться на балах так громко, чтобы слышал весь Париж. Она станет той, кем должна была быть по рождению — холодной, недоступной звездой.

Она посмотрит ему в глаза на первом же балу, куда их обоих пригласят. Посмотрит вежливо, отстраненно, как смотрят на предмет мебели. И когда он поймет, что потерял ее — не потому, что ее увезли силой, а потому, что она сама закрыла дверь, — вот тогда она позволит боли взять реванш.

Кучер распахнул дверцу остановившейся наемной кареты. Старик помог Наталье подняться внутрь. — Куда прикажете? — спросил кучер, пряча лицо от ветра в воротник.

Наталья посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, покрасневшие от холода. Руки, которые знали тяжесть мужских мечей и ласку предателя. — Домой, — сказала она. — Мне нужно написать письмо.

Войдя в особняк, она прошла мимо гостиной, где отец читал газету, даже не взглянув в его сторону. Поднялась в свою комнату. Приказала затопить камин сильнее.

Когда огонь загудел, пожирая сухие дубовые поленья, Наталья села за секретер. Достала лист плотной бумаги с водяными знаками Воронцовых. Обмакнула перо в чернила.

Она долго смотрела на чистый лист, собирая осколки воли. Где-то далеко, в другом районе Парижа, Ричард, возможно, расстегивал пряжку на туфле Анны с золотыми локонами. Возможно, смеялся над каким-то ее глупым замечанием.

Наталья глубоко вдохнула. Медленно выдохнула. И начала писать:

«Месье де Морель. Имею честь уведомить Вас, что намерения моего отца относительно моего будущего брака полностью совпадают с Вашими...»

Перо уверенно закрипело по бумаге, выводя условия брачного контракта с человеком, которого она видела дважды в жизни и который был старше ее на тридцать лет. Барон де Морель слыл богатым занудой, коллекционером старинных монет и обладал единственной добродетелью в глазах графа Воронцова — безупречной репутацией и желанием спасти честь семьи невесты любой ценой.

Каждое слово договора было гвоздем, вбиваемым в крышку гроба ее прошлой жизни. Каждое предложение звучало как реквием по тому мальчику с крыши герцогского дворца.

Закончив, Наталья посыпала бумагу песком. Дождалась, пока высохнут чернила. Сложила лист пополам. Капнула тяжелым сургучом. Прижала печать.

Она подошла к окну. Отсюда был виден кусочек неба, такого же серого и равнодушного, как ее новое будущее.

Она сделала свой выбор. Мечты стоят дешево. Выживание требует жертв. Если для того, чтобы сохранить достоинство, нужно отдать сердце на растерзание нелюбимому старику, она сделает это.

Ричард научил ее главному закону войны: враг всегда бьет туда, где больнее. Сегодня днем он показал ей истинную цену их сказки. Теперь очередь была за ней. Игра перешла в стадию шаха. И Наталья Воронцова намеревалась поставить мат.

## Глава 5. Шепотки на рынке

Парижская зима — это не хрусталь и серебро русских усадеб. Это серая каша под ногами, липнущая к ботинкам, влажный холод, пробирающийся сквозь самую плотную шерсть, и запах гниющей капусты, который преследует тебя даже в самых аристократических кварталах. Наталья ненавидела этот город сейчас так же сильно, как любила его месяц назад.

Брак с бароном де Морелем был делом решенным. Отец подписал бумаги через два дня после того злополучного письма. Старик-барон жаждал юной крови для своего угасающего рода, граф Воронцов жаждал очистить имя семьи от позора связи с гвардейским выскочкой. Сделка состоялась. Наталью обрядили в траур по собственной свободе, хотя мать уже давно покоилась в земле.

Сегодня утром она впервые за долгое время позволила себе выйти из дома без цели помолиться или умереть от тоски. Ей нужны были ленты. Десятки ярдов шелковых лент всех оттенков весеннего сада — единственное легкомысленное требование, которое она выставила отцу перед подписанием контракта. «Если я должна стать чьей-то вещью, пусть эта вещь будет красивой», — сказала она тогда. Граф лишь тяжело вздохнул, но деньги выделил.

Ее сопровождала только Клотильда — горничная средних лет, преданная дому Воронцовых до мозга костей. Клотильда молчала почти всю дорогу, пока закрытая карета везла их сквозь лабиринт улиц к рынку Ле-Аль. Но когда они вышли на брусчатку, где воздух дрожал от криков торговки и мычания скота, служанка не выдержала. — Мадам, может, стоило взять лакея? — прошептала она, беря госпожу под локоть и отводя подальше от лужи, где лежаладохлая крыса. — Место беспокойное. И вид у вас такой... Будто вы привидение увидели.

Наталья действительно выглядела неважно. Густая вуаль скрывала землистый оттенок кожи и тени под глазами, которые не брала никакая рисовая пудра. Она похудела еще сильнее, скулы заострились, а взгляд стал тяжелым, неподвижным взглядом человека, постоянно решающего внутри себя сложную математическую задачу. — Лакей привлечет внимание, Клотильда, — ровным голосом ответила Наталья. — А мне нужно слиться с толпой. Иди за мной шаг в шаг. Не отходи ни на шаг.

Они нырнули в человеческую реку рынка. Здесь царила первобытная демократия. Маркизы торговались из-за унции масла плечом к плечу с прачками, а герцоги морщились от запаха требухи точно так же, как подмастерья. Наталья шла, высоко поднимая голову. Ее темно-синее дорожное платье было простым, но пошитым у лучшей портнихи, а осанка выдавала породу лучше любого герба.

Сначала она слышала только общий гул: — Сударыня, треска! Свежайшая треска, сама вчера плавала! — Отойди, дура, затопчешь! — Да чтоб твой чеснок мыши съели, вымогатель!

Но чем дальше они продвигались вглубь рядов со специями и тканями, тем отчетливее менялась тональность голосов вокруг. Мужские голоса. Низкие, хриплые от дешевого вина и сырого воздуха, голоса людей, которые знают всё о чужих грехах, потому что сами являются их невольными свидетелями.

Наталья замедлила шаг у прилавка с индийскими ситцами. Яркие узоры резали глаз после месяцев черного крепа. Продавец, смуглый левантинец с золотой серьгой, распинался о качестве красителя, но Наталья смотрела мимо него, на группу мужчин, облокотившихся на бочки неподалеку. Купцы средней руки. Пролетариат торговли. Опасные люди, чей язык острее, как нож мясника.

— ...говорят, сам полковник рвал и метал, — говорил один, хлебая вино прямо из горлышка оплетенной бутылки. — Такой конфуз на смотре. Делорм чуть под трибунал не пошел. Хорошо, старый волк Сен-Жермен вступился. Сказал, мол, парень головой тронулся от любви, простите убогого. — От любви? — фыркнул второй, плюнув табачной жижей в грязь. — Какая

там любовь, Пьер! Ты видел ту цацу, что с ним везде таскается? Золото ходячее. Анна Леруаль. Папаша ее — суконный король с Лиона. Миллионы. Наш Ричард решил, что саблей махать хорошо, но спать на мешках с золотом приятнее.

Сердце Натальи пропустило удар. Имя Анны прозвучало здесь, среди вони рыбы и пота, как нечто само собой разумеющееся. Не слух, не предположение. Факт.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.